

ВСТРЕЧА

Жесткий Калягин

В свои 55 лет Александр Калягин успел многое: сыграл главные роли в лучших фильмах Никиты Михалкова, в спектаклях Олега Ефремова, Анатолия Эфроса и других знаменитых режиссеров, работал театральным педагогом во Франции, создал театр «Et cetera» и стал председателем СТД России. О том, зачем ему теперь все это нужно, артист рассказывает обозревателю «МН» Нине АГИШЕВОЙ.

— Прошло два года, как вы возглавили Союз театральных деятелей России. Не страшно тогда было?

— Это только на вид я такой пухлый, рыхлый, но у меня жесткое нутро. Молодым парнем, проработав на Таганке всего два года, я уже конфликтовал со знаменитым Любимовым, состоял с ним в переписке, ушел из театра. Потом то же в Театре Ермоловой; у Ефремова — принципиальные выяснения отношений и готовность в любую минуту закрыть за собой дверь, что и происходило. Этой внутренней независимостью я только и живу, она позволяла отказываться от важных, казалось бы, ролей, от приглашения вступить в партию после роли Ленина во мхатовском спектакле — и благодаря ей же я согласился на предложение Ульянова прийти в СТД. Если бы почувствовал за это время, что проваливаюсь, ушел бы мгновенно. Такой ситуации, которая сегодня сложилась вокруг Ельцина, не принимаю и не принимаю.

— В то время как все остальные творческие союзы по сути испустили дух, СТД держится на плаву. Все дело в собственности, не так ли?

— СТД — это организация, которую никто никогда не сломает. Такое могут совершить только сами актеры, распустив союз на съезде, или полный дурак, который придет и наломает дров — например, продаст недвижимость, доставшуюся союзу понемногу от каждой власти, и царской, и советской. Конечно, я

уже не стану экономистом, не научусь отличать клиринг от лизинга, но есть много специалистов, с которыми по этим вопросам можно советоваться.

— То есть в известном смысле вы как Примаков сегодня. Не боитесь, что среди советников окажутся жулики?

— Не боюсь. Ошибки есть у всех, но я надеюсь на свою интуицию и еще на то, что все экономические вопросы у нас решают не один и не три человека, а специально созываемый совет. Поэтому за два года из недвижимости, которую, к слову сказать, в тяжелейших условиях сохранил Ульянов, не продали ничего, только в аренду сдали, и производство — напши косметические фабрики — тоже живет. Больше того, сейчас спрос на их продукцию резко возрос. Хотя Россия — это не Запад: у СТД две тысячи гектаров земли, мы с удовольствием их подо что-нибудь бы отдали, но никто не берет, никому ничего не надо. Тем не менее финансовое положение наше нормальное: исправно помогаем старикам, больным, в этом году восстановили все льготы по путевкам, благодаря фонду «Бенефис» двести пятьдесят человек отправили отдыхать бесплатно. На творческие расходы в прошлом году было потрачено триста тысяч рублей, а в этом уже шестьсот. Если бы не кризис...

— Суммы, увы, небольшие. Наверное, еще и поэтому столь отчаянно положение театральной прессы, которая во всем мире живет на дотации, — прекратил свое существование, например, журнал «Театр».

— «Театр» — это наша драма, я на нем воспитывался. Чем могли, помогали, приходил продюсер Анатолий Воропаев, обещал золотые горы, но ничего не вышло. Хотя журнал никто не закрывал.

— Есть планы по его реанимации?

— Нет, планов таких нет. И спонсоров нет, их нечем заинтересовать: лица у них становятся кислыми, когда я об этом с ними разговариваю.

— То есть сама жизнь подталкивает СТД к превращению в профсоюз, заботящийся в первую очередь о социальных нуждах своих членов?

— Нет, с этим я не согласен. Не зря же именно артисты, и какие! — Савина, Яблочкина, Царев, Ульянов — руководили союзом. Еще вчера бумага за подписью Ульянова могла решить дело, как решила она в каком-то смысле мою судьбу, позволив открыть на Новом Арбате театр «Et cetera», как помогла Петру Фоменко пока удержать здание бывшего кинотеатра «Зенит». Что говорить о мировой практике, когда наша ни на что не похожа: в СТД 74 организации, со всеми губернаторами я веду переписку, благодарю за то, что они любят театр... Куда бы ни поехал — везде встречаюсь с начальством. Мне перед этим уже доложат: дом у нас отобрали, библиотеку загнали в чулан и так далее. И вот я в нужный момент с нужной интонацией об этом губернатору говорю — и, глядишь, дом вернули, денег подкинули. Про иного рассказывают: в театр ни ногой, ничего, кроме охоты, не признает. Выходит мне навстречу этаким медведь, которого я изо всех сил пытаюсь обаять. И что вы думаете? Пошел на премьеру, дал денег на ремонт крыши, чтобы на сцену не капало. Это очень русская черта: если человек мне нравится, я ему помогу. И действует она сильнее, чем законы рынка.

Вообще нынешние губернаторы — это такие типажи, такая пища для актера! Роберт Стурца рассказывал, что, когда он был народным заседателем в суде — выпал ему в молодости такой опыт, — то за два заседания понял, как надо ставить «Кавказский меловой круг». Ничего в нашей стране не изменилось, не испортил нас капитализм. А вы говорите — западный профсоюз. Для этого другая жизнь нужна на дворе и другой спрос.

— А на что сейчас спрос?

— Сколько я себя помню, у нас всегда было трудное время: страх, напряжение, переживания. И всегда слышал: «Вот сейчас — время «Турандот»». Меж тем отсутствие цензуры нечаянно совпало с отсутствием культуры, и на сцену все вышли голые: одно тело, его или ее, неважно. Потом был период кромешной чернухи. Его сменила классика: везде ставили то всего Чехова, то всего Островского... Сегодня я сам руковожу театром и

Кирилл КАЛИНИКОВ

люди и удивлялись: надо же, такие бедные, а какая у них культура, какая душа! Сейчас иностранцы изумляются другому: как можно есть ложкой, держа ее за тот конец, который подносят ко рту? Значит, можно. Отчаяние охватывает, когда смотришь политические новости, но начинаешь работать — и оно проходит.

— В театре «Et cetera» много молодежи. Почему среди них гораздо меньше звезд, чем, например, в вашем поколении?

— Нас все тогда толкало к славе. В несвободном и подцензурном обществе, как ни странно, все было органично: кино подталкивало театр, театр — телевидение.

Вспомните хотя бы, какой был тогда потрясающий телевизионный театр — Сергей Муратов, Петр Фоменко, Анатолий Эфрос... «Пиквикский клуб» Саши Трошкина, где я, тридцатилетний, сыграл шестидесятилетнего Пиквика. Вот это и была та почва, на которой можно расцвести. А от почвы все зависит: когда-то я привез из Швейцарии превосходные семена и попробовал посадить их на даче — ничего не вышло! В свое время в школе-студии Художественного театра у меня был замечательный курс — может быть, лучший со времен Ефремова, Табакова и компании. Сохранить его в 90-м не сумел: Юлия Меньшова ушла на телевидение, Саша Лазарев работает в Ленком, Илья Волох — в Голливуде, Равиль Исыянов — в Лондоне. А позже, когда раскололся МХАТ, такая брешь образовалась в жизни, что стал строить свой театр. Сами видите, что происходит с академиями... Недавно мне задали вопрос: самое сильное театральное потрясение последнего времени. Мучился, вспоминал и ничего, кроме «Мещан» Товстоногова, назвать не сумел. Дорогое копится десятилетиями.

— Отвлечься все-таки хочется? Вы тоже в депрессии?

— Я по натуре оптимист. Еще в детстве, когда вечером засыпал, никогда не думал о неприятном: урок не выучил — будет двойка, а мечтал о путешествиях, воображал себе море, например. Не надо искать проблемы: если они тебя догонят, решишь, а вдруг — не догонят, пройдут стороной. У меня депрессия может быть, только если что-то не так с детьми или совершенно нет денег. А это в большей степени зависит от Бога и от меня самого, нежели от государства.

— А если опять коммунисты, железный занавес и тому подобное?

— Нет, в это я не верю. Нас до сих пор колотит от слова «коммунизм», но пришли демократы — и что хорошего? Были мальчики, теперь снова седые мужи — не нужно их всех демонизировать. Идет жизнь — и это самое главное. Да, и население катастрофически уменьшается, и опять не везет с правителями, и отстаем от цивилизованного мира. Раньше, когда страна была закрыта, сюда приезжали

люди и удивлялись: надо же, такие бедные, а какая у них культура, какая душа! Сейчас иностранцы изумляются другому: как можно есть ложкой, держа ее за тот конец, который подносят ко рту? Значит, можно. Отчаяние охватывает, когда смотришь политические новости, но начинаешь работать — и оно проходит.

— Но долголетние театральные академии, вы сами заметили, не в лучшей форме, и никакими пыльными юбилеями этого не скроешь. Хотя у МХАТа (МХАТов) и Малого разные проблемы.

— Ефремов в Художественном театре настужь раскрыл двери и окна, начался жуткий сквозняк, который, наверное, что-то хорошее и унес. В Малом наглухо закрыли ставни и пережидают бурю. Воздуха мало, пыль, но все подлинное! Соломин с гордостью говорит: «Да, мы консерваторы». Может быть, в этом тоже есть смысл, особенно в наши дни.